

кризис. Во многом аналогично складывается ситуация и в области экологии. Не подтверждаются прогнозы В. И. Вернадского о поэтапном развитии биосферы в свое новое, более прогрессивное состояние — *ноосферу*. Все больше фактов свидетельствует о «дрейфе» биосферы не в направлении ноосферы («сферы разума»), а к *негосфере* — опасной глобальной экологической ситуации, угрожающей существованию современной цивилизации [2, 23].

Решение задач экологии требует значительных финансовых влияний, которые может обеспечить лишь эффективно действующая экономика. А. В. Птушенко справедливо отмечает, что для выживания человечеству необходимо осознать неадекватность общепринятых основ экономической теории, неэффективность устоявшихся подходов к организации управления обществом: «Необходимо отказать от парадигмы “природоохранных мероприятий”, заменив её принципом коэволюции и взяв на вооружение лозунг: “Неэкологичная экономика не имеет права на существование”» [6]. Для поддержания приемлемого качества природной среды нужно создать новую шкалу ценностей, на основе которых человечество признает выгодным и в экономическом отношении возможность развивать экологически безопасную технику и технологии. Действенный прогресс в развитии производительных сил общества возможен лишь в условиях, когда экономические критерии оценок роста производства дополняются экологическими. Таким образом, можно утверждать, что путь эволюции современных направлений экстернализма завершается на данном этапе переходом от «упрощенных» прежних его вариантов (детерминизма экономического, технологического, информационного, экологического и др.) к новому, более сложному и разнокачественному уровню — эколого-экономическому.

1. Рузавин Г. И. Философия науки. М., 2008.
2. Веревищев И. И. Человек, техника и система негативной экологии // Известия Самарского научного центра РАН. Спец. выпуск. Т. 3. С. 20–24.
3. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.
4. Всемирная энциклопедия. Философия. XX век. М. — Минск, 2002.
5. Джонс Р. Экономические сочинения. Л., 1937.
6. Птушенко А. В. Экология / А. В. Птушенко [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://agynch.narod.ru>.

Р. И. Вылков
Екатеринбург

О МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКЕ ПОНЯТИЯ «КИБЕРПРОСТРАНСТВО»

Целостный образ мира в его основных аспектах (объекты и процессы, типы взаимодействий, пространственно-временные структуры) вводит, как известно, общенаучная картина мира. Однако она не может продемонстрировать нам всю его онтологическую структуру: мы знаем о мире только то, что мы описываем в нем, то есть выражаем с помощью конвенциональных схем.

Постижение объектов, которые хотя бы частично выходят за рамки социальной практики, обеспечивает философия. Ее основное предназначение в культуре — понять, каков в своих глубинных основаниях наличный человеческий мир, каким он может и должен быть. Отсюда следует, что философская реконструкция по содержанию не тождественна реально существующей матрице мировоззренческих универсалий любой локальной культуры: «Философия как теоретическое ядро мировоззрения не только схематизирует образы мира, представленные смыслами категорий культуры, но и постоянно изобретает новые нестандартные представления, выходящие за рамки этих образов» [1, с. 195].

Современные компьютерные технологии принципиально преобразуют социальное и индивидуальное бытие, в связи с чем весьма востребованной оказывается традиционная философская деятельность по прояснению содержания понятий. Особенно это касается мировоззренческих универсалий, находящихся в процессе трансформации. Одной из них является понятие «киберпространство». На интуитивном уровне его часто отождествляют с виртуальной реальностью, что ведет к парадоксам. Поэтому правомерно возникают вопросы: что такое киберпространство? Чем оно отличается от виртуальной реальности?

Первичное представление о киберпространстве появилось в рамках научно-фантастического жанра киберпанк. Вместе с тем литературное предвидение новых технологических парадигм, проводимое в научной фантастике, оказалось ограничено тем обстоятельством, что технологии развивались явно быстрее. Как следствие этого, включение новых компьютерных технологий в более общий социокультурный контекст запаздывало еще сильнее.

В 1980-х годах был внедрён в массы идеологический стереотип киберпространства, содержащий в себе три утопических доминанты: непримиримый гедонизм, эскапизм от повседневной реальности и традиционное мистическое желание трансцендировать границы чувственного бытия. Вследствие этого в рамках массовой культуры любую интерактивную развлекательную среду, генерируемую компьютерными технологиями, стали называть киберпространством.

С другой стороны, генезис технических систем, обеспечивающих функционирование различных видов компьютерной виртуальной реальности, а также сфера их современного применения практически не имеют ничего общего с идеологическим стереотипом киберпространства. Наряду с этим нужно подчеркнуть следующий факт: в информатике в течение полувека доминировала тенденция к технизации любых информационных потоков. В начале 1990-х годов эта тенденция уступила место тренду повышения эффективности социальной коммуникации и поиску новых способов организации человеческой деятельности посредством компьютерных технологий.

Сегодня многие исследователи согласны с интуитивной интерпретацией киберпространства как любой среды, генерируемой или опосредованной компьютерными технологиями. Однако предпринятые до настоящего времени попытки конкретизировать содержание понятия «киберпространство» общепризнанного успеха не имели.

На наш взгляд, проблема многозначности интерпретации киберпространства является следствием того, что рассматриваемый феномен находится в процессе

становления. Поэтому на данном этапе любая попытка дать логическую дефиницию понятия «киберпространство» будет внутренне противоречивой. Этот промежуточный отрицательный результат только подчеркивает значимость преодоления неопределенности в понимании сущности киберпространства.

Мы придерживаемся феноменологического подхода, в соответствии с которым феномен есть то, как сущность являет себя индивидуальному сознанию. Феномены приобретают общезначимость благодаря тому, что пространство и время выступают в качестве условий возможности любых актов сознания. Сущность предмета — это инвариантное содержание во всех возможных способах рассмотрения феноменов.

Полученные нами результаты по вариативности данного феномена не могут претендовать на окончательность, однако это затруднение не помешает дать первичное определение сущности киберпространства.

Представление о киберпространстве как о едином идеальном, интересубъективном пространстве, в котором разворачиваются, возникают и исчезают отдельные виртуальные реальности, является принципиально неполным. Три онтологические концепции киберпространства (технократическая, деконструктивистская и психоаналитическая) заключают в себе только предметный уровень. Здесь работа идет с совокупностью знания, существующего только внутри определенной онтологии, которая по отношению к знанию является рамочной конструкцией, системой предельно допустимых предположений. В этих концепциях отсутствует проблематизация самого онтологического контекста. Другими словами, отдельные представления о киберпространстве у исследователей имеются, но не выявлено то общее основание, которое позволяет подводить различные интерпретации под единую концептуальную рамку.

Самое интересное заключается в том, что принципиально общих моментов всего два. Во-первых, киберпространство имеет ризоматическую форму, т. е. для него характерен нелинейный и внеструктурный способ фиксации информации. Во-вторых, все операции со знаками в киберпространстве производятся посредством компьютерных технологий. Что касается других характеристик, которые приводятся в упомянутых концепциях, то можно зафиксировать значительные различия в интерпретации. Более того, сторонники трех рассмотренных позиций не анализируют причины, порождающие эти различия.

Проведенное нами сопоставление киберпространства с другими видами пространства позволило сделать следующий вывод: киберпространство — это новый, ризоматический по своей топологии, вид семиотического пространства, в котором операции со знаками осуществляются при помощи современных компьютерных технологий, облегчающих и существенно ускоряющих мыслительную деятельность людей. Киберпространство выступает как средство для поиска возможностей выявления и понимания новых путей достижения общечеловеческих целей.

1. *Степин В. С.* Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. М., 2000. 744 с.

ПАРАДИГМА НАТУРФИЛОСОФИИ БУДУЩЕГО

Осмысление исторических коллизий закономерно приводит исследователей к пониманию принципиальной диалектичности истории: мы видим эту диалектичность как в событиях и прозрениях нашего времени, так и в разных историософских концепциях, в том числе ставшей сегодня классикой парадигмально-революционной системе Т. Куна.

Безусловно, всякая такого рода конструкция есть результат схематизации, представляя собой известное упрощение реальности. Не исключение и модель Куна, которую можно упрекнуть за избыточный редукционизм, даже сциентистский идеологизм, сводящий историю науки, в сущности, к истории физики [3, 162]. Научные революции — открытия, взрывающие прежнюю парадигму и открывающие поле для формирования новой — Кун отождествил с идеями Коперника-Галилея-Ньютона, а также Эйнштейна. Почему до статуса научной революции не дотягивает гипотеза Дарвина? И, напротив, разве теория относительности, да и вообще вся физика XX века как-то уж особо радикально изменяет схему мироздания? Усложняет — да, изумляет, будоражит мысль — всё так; но сказать, что она переворачивает сознание человека подобно тому, как система Коперника когда-то опрокинула его вместе с системой Птолемея?.. — в этом есть основания усомниться.

Но и это, конечно, может быть оспорено. Суть ведь не в том, насколько некое утверждение более истинно, нежели другое, а в самой закономерности, выявленной не Куном, но им оригинально интерпретированной. То, что он назвал «научными революциями», хронологически совпадает с крупнейшими социальными потрясениями — во всяком случае, в европейской истории — стало быть, слом старой и формирование новой парадигмы есть процесс не сугубо научный, но мировоззренческий. Собственно и сама парадигма (картина мира) вряд ли может быть научной в строгом смысле слова. Наука способна создать схему, если угодно — карту мироздания, пособие, по которому удобно ориентироваться в окружающем; но это не картина, не ландшафт бытия, не онтологическое пространство, устанавливающее гармонию субъект-объектных отношений. Поэтому о парадигме следует вести речь как о базисе мировоззрения, содержащем в себе потенции мифа, науки, религии, искусства... Иначе говоря, парадигма есть территория образа «Я + МИР», и она, конечно, не может не изменяться под воздействием научных открытий и гипотез. Но и эти гипотезы возникают, в свою очередь, в процессе живого развития мировоззрения, того самого образа «Я + МИР». Кун, физик по образованию, видимо, усмотрел в данном процессе аспект, ему наиболее близкий, чем сузил перспективу взгляда на диалектику истории. Но сущность её выразил эффектно и сделал понятие «парадигма» методологически продуктивным.

В самом деле, тотальное онтологическое обновление, «научные революции» и социальные потрясения суть диалектические ипостаси единого процесса. Мы